

Редакторская

Иллюстрация Анастасии Паничкиной

В серьезных изданиях давно нет вступительных редакторских статей. Их заменили вводные от составителей: в этом номере будет то-то и то-то, данный феномен трактуется так-то и так-то, научная литература сообщает нам то-то, погода за бортом -50°C , полет нормальный. Но есть причина, почему мы не хотим делать ФК без редакторских.

Перечитал вступительные заметки в прошлых девяти номерах (да-да, у нас маленький юбилей) и понял, что есть кое-что, чего я не сказал про ФК, а хотел. Сначала намеревался написать, чем мы, ФК, отличаемся от других философских журналов (тем, что мы — семейный журнал, «нашего круга», «а вдруг еще кому-то интересно»). Потом — выговоренные случайно размышления о двух видах производителей (удовлетворяющих уже имеющиеся потребности и создающих новые), о глубокой связи дружбы и истины в жизни подлинного философа, о решениях и мнениях, тонкий баланс между которыми может дать нам силы твердо верить в шаткий облик демократии. Но потом понял, что об этом я либо уже писал, либо еще не готов написать. И это — страшная болезнь.

Студентами мы не любили преподавателей, которые часто говорили одно и то же. Представлялось (и мы без усталости повторяли это в разных компаниях), что у них в душе есть два пыльных мешка: в одном завалилось несколько цитат, в другом — дюжина тезисов. В ответах на любой вопрос и рассуждениях на какую угодно тему можно преуспеть, лишь слегка поднатюнув в комбинировании на ощупь извлеченных из своих матерчатых утроб

фраз. Верхом изящества такие товарищи считают рассказанный к месту анекдотец. Легко догадаться, чем вызвана к жизни такая привычка — на это требуется потратить даже меньше усилий, чем на ее в себе воспитание. Дело в экономии времени и в осторожности: ученый всегда говорит только то, в чем он уверен, и в этом его отличие от шарлатана. Счастливое соотношение осторожной основательности и приносимой храбростью свежести обеспечивается ловкостью и, вероятно, талантом.

Не любили мы и принцев оригинальничания, одетых в мантии выставленного на показ социального неравнодушия. Если верные себе преподаватели-магнитофоны дают студенту ясное понимание того, что от него требуется, и действительно учат чему-то конкретному, то принцы — птицы иного полета. Сегодня они могут панибратствовать и вместе с тобой смеяться над замшелостью какого-нибудь магнитофона, а завтра — отправить на пересдачу по какой-то маловразумительной причине. Самое неудачное, что может сделать управленец (а образование — это управление, а не услуга; во всяком случае, то образование, которое действительно меняет образ мысли), — задать неясные критерии проверки нечетко сформулированного задания. Один ныне известный прозаик так описывает преподавателя философии в своем дебютном романе: «Преподаватель был крепким, немного в теле парнем с уверенными нагловатыми глазами, он обладал совершенно необъятной эрудицией, был настолько переполнен знаниями, что лекции вел плохо. Стоило ему в рассказе отступить в причастный оборот — “...считавшийся до тех

пор...” или “встречавшийся ранее...”, — как он уходил от темы и возвращался к ней в лучшем случае через полчаса. Отличницы бросали авторучки, раздраженные непоследовательностью повествования; что касается редких учащихся мужского пола, то они снисходительно, — а на самом деле униженно — улыбались».

Но были те, чьи лекции мы записывали, заливали в треклисты и слушали по дороге от шершаво-белого общежития до пшенично-каштанового корпуса философского факультета МГУ. Чьи тексты мы ночами зачитывали друг другу в наших широкооконных комнатах. Чьи слова стали указателями на наших ментальных картах.

Теперь нам нужно самим читать лекции, вести исследования, писать статьи. Какими учеными и какими преподавателями мы хотим быть? Какими мы сможем стать? Пока что подготовка темы, продумывание возможных путей мысли без реализации какого-то из них до конца, удается нам куда лучше, чем позитивные результаты. Сможем ли мы учесть ошибки преподавателей и впитать мудрость наших учителей? Что делать с этой мудростью, ведь теперь совсем не годится жить чужим умом? Как написать не просто квалификационные работы, но будущие рудники цитат?

А что, если у нас не получится? Или в процессе выяснится, что мы — не хотим? Достаточно ли нам будет, скажем, вопроса: какими мы будем людьми? Сейчас он звучит гуманистической балалайкой — сможем ли мы научиться развлекаться, никому не чиня вреда на своем пути? Но достаточно ли этого? Какую форму социально приемлемого — обязательно ли? — эскапизма стоит предпочесть тогда?

Эти вопросы — не в плане возможно не лишенной красоты, но вычурной и артистичной позы. На данном этапе нашей жизни это важные вопросы, и вряд ли мы сможем быстро получить на них исчерпывающие ответы. Эти вопросы имеют отношение к философии, ведь поиск ответов на вопрос «кто мы есть?» может быть назван ее действительным делом. Но все же мы стараемся очень четко различать в философии то, что она значит для нас, и то, что она могла бы значить для всех. Первое важно, но важно и знать его место.

И это причина, по которой ФК выходит с редакторской статьей.

Евгений Логинов

